

стопы вывернуты кнаружи. Наблюдается при гомоцистинурии (наследственное заболевание, связанное с нарушением метионинового обмена)» [8]; «КОРАЛЛОВЫЙ сустав», хондроматоз сустава. Множественные округлые, овальные или многогранные тела, окруженные по периферии бесструктурными кольцевидными затемнениями» [6] и *метонимия* («Реберные хрящи на месте перехода их в кость четкообразно утолщаются... У лиц, ранее страдавших рахитом, эти «ЧЕТКИ» можно пропальпировать...» [12]) – стадии компрессии, номинации, или стадии метонимизации.

Таким образом, выявление семиотической природы тропов и описание деривационных механизмов их образования в дискурсе дополняет данные о соотношении разных видов тропов, представленные в лингвистических исследованиях. Метафора при этом рассматривается не как компонент стилистических ресурсов языка, и даже не как способ экспликации концептуальной интеграции, а как механизм развития языкового знака в дискурсе, соотносимый с закономерностями деятельности и развития личности [1]. В свете когнитивно-дискурсивного направления лингвистики метафоризация представляет собой процесс развития языка в изменяющемся мире, а с точки зрения философии – снятие противоречия между конечностью языка и бесконечностью мира [5].

Способность слова связываться с различными по объему понятиями оценивается по-разному. Многие современные исследователи видят в этом явлении преграду познанию мира, в частности, философскому [см.: 2], объявляя естественный язык «кривым зеркалом» из-за способности слов обогащать свое смысловое поле (иной раз не в том направлении, какое задумано автором).

На самом деле способность слова связываться со все новыми и новыми понятиями является не преградой к познанию мира, а как раз условием этого познания. Эти явления являются взаимопроникающими и связаны диалектическими отношениями. Диалектическое единство материальной и идеальной сторон языка представляет собой не препятствие, а импульс для его развития в онто-, и филогенезе.

Итак, познание не представляет собой плоскостного процесса открытия отдельных вещей, собирания фактов. Познание движется от конкретных вещей к их обобщению и выявлению абстрактных понятий, к законам, концепциям – обобщениям. Затем все новые конкретные вещи подводятся под законы. Поэтому язык идет, повторяя процесс мышления. Ему нет необходимости расширять фонд, образуя понятия вместе с мышлением. Язык под старое понятие подводит новые конкретные единичные вещи. Значения слов могут изменяться через аккумуляцию, обогащение предшествующего содержания. Языковая форма позволяет смыслу постоянно накапливаться, концентрироваться, синтезироваться.

Перспективы исследования лингво-философских аспектов дискурса заключаются в обращении к таким категориям как языковая личность, концептосфера, межкультурное взаимодействие.

Источники и литература

1. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
2. Барабашев А. Г. Бесконечность и неопределенность // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. – М.: Янус-К, 1997. – С.273-282.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.
5. Береснева Н. И. Язык и реальность. Дис... д-ра филос. н. – Пермь, 2006. – 305 с.
6. Ветошук В. И. Эпонимические симптомы и синдромы в рентгенологии. – К.: Здоров'я, 1976. – 128 с.
7. Карнапата А. П., Федьшкин П. С., Пыриг Л. А. и др. Дифференциальная диагностика внутренних болезней. – К.: Вища шк., 1984. – 272 с.
8. Крылова Н. И. Внешний осмотр больного и его диагностическое значение. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. – 320 с.
9. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 331 с.
10. Кузник Б. И. Иммуногенез, гемостаз и неспецифическая резистентность организма. – М.: Медицина, 1989. – 320 с.
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
12. Милькаманович В. К. Методическое обследование, симптомы и симптомокомплексы в клинике внутренних болезней. – Мн.: ООО «Полифакт -Альфа», 1995. – 672 с.
13. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: Конспект лекций. – Пермь: ПГУ, 1984. – 56 с.
14. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. – Свердловск: УрГУ, 1991. – 172 с.
15. Шуцяну Ш. Клиника и лечение ревматических заболеваний. – Бухарест: Медицинское издательство, 1983. – 627 с.

Богданович Г. Ю.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Фразеология – особая языковая форма фиксации знаний: в небольшом объеме фразеологизм компрессирует материальный и духовный опыт, содержит в себе, по выражению Ф.И.Буслаева, «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [1, с. 204].

В синхронии фразеологизма всегда присутствует диахрония, элементы старой семиологии, отражающие ментальную картину мира других времен. Исследование устойчивых выражений в культурологическом аспекте – способ проникновения в ментальное пространство прошлых поколений и возможность выявления новой семиологии как результата изменения сознания и совершенствования способов передачи мысли.

Фразеологизмы относятся к числу этнопсихологически детерминированных средств языка: их семантика основывается на национально-культурных признаках материальной культуры и сознания.

Являясь «культуроносными» фактами, устойчивые выражения входят в дискурсы культуры наряду со стереотипами, метафорами, этикетными формулами и т.д.

Семантика фразеологизмов проявляет базовые коды этнической культуры. Для русской культуры – это коды, соотносящиеся с архетипическими представлениями: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [2, с. 233].

Группировка фразеологизмов для лингвокультурологического анализа происходит, как правило, с ориентацией на коды, с которыми соотносится и денотативный аспект значения, ассоциативно-образные основания, связанные с символами и стереотипами национальной культуры [3, с. 83, 88].

Так, фразеологизмы *голова садовая, отводить глаза, волосы стали дыбом, вешать нос, из первых уст, развязать язык, встать с левой ноги, указующий перст, идти по стопам* проявляют соматический культурный код; *под рукой, в двух шагах, за тридцать земель* – пространственный код; *капля в море, выносить сор из избы, щи лаптем хлебать, как с писаной торбой носиться* – предметный код; *змея подколотная, белая ворона, заблудшая овца, как баран на новые ворота* – биоморфный код. Духовный код культуры связан со всеми другими кодами, «вытягивая» из них идеальные смыслы.

Для русской языковой картины мира, основанной на христианской антропологии, особо значимы понятия *духа, души и сердца* [4], что нашло отражение и во фразеологии: *упасть духом, в тайниках души, душа не на месте, воспрять духом, сердцу не прикажешь, доброе сердце* и мн.др.

В учебном пособии В.А.Масловой означен объем задач лингвокультуролога, анализирующего фразеологические единицы: выявить «следы» национальной культуры во фразеологизме через внимание к его внутренней форме, вскрыть культурно-национальную коннотацию [3, с. 82].

Психосемантический аспект исследования фразеологизмов связывается с рефлексивными структурами сознания, с выявлением личностных семантических дифференциалов, с самосознанием и межличностным восприятием.

Исследование фразеологизмов в «режиме реального употребления», ориентированность на моделирование речевой деятельности с помощью этих единиц, выявление субъектных семантических пространств должно стать и предметом лингвокультурологии, ориентированной на мультикультуру.

Расхождение представлений о мире, ценностных ориентациях фокусируется в семантической интерпретации фразеологизмов, принадлежащих разным культурам. Для успешной совместной деятельности (в том числе речевой) эти расхождения должны быть минимизированы.

«Фразеологизмы, – по оценке В.Н.Телия, – представляют собой микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемых, стягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [5, с. 8].

Е. А. Селиванова, развивая мысль В. Н. Телия в ментально-психологическом направлении, включает фразеологизмы в число терминалов фреймовой модели [6, с.149]. Действительно, воспроизводимые в целостности, жестко фиксированные устойчивые выражения стереотипизируются в сознании носителей языка и тем самым могут быть отнесены к когнитивным фреймам, или, по В. И. Красных, к «штампам сознания», иерархически организующим структуры знания на основе экстралингвистической информации.

Для нас важно подчеркнуть, что фразеологизмы отражают формы культурно-исторического бытия народа, имеют национально-специфический характер. Вот почему в первую очередь с фразеологизмами ученые связывают проблему лингвокультурологической относительности: различие картин мира у представителей разных культур приводит к несовпадению (или неполному совпадению) семантического и смыслового объема соэквивалентных понятий. Об этом свидетельствует богатейшая мировая практика перевода.

По методу лингвистической интроспекции (опора на языковую компетенцию информантов, «чувство языка», умение с помощью языковой единицы моделировать речевое поведение) нами проведен опрос, в котором приняли участие свыше пятисот человек.

Реципиентами выступили учащиеся пятых и десятых классов средней общеобразовательной школы, а также студенты. Выбор подобных возрастных групп обусловлен тем, что пятиклассники имеют небольшой опыт употребления в различного рода дискурсивной практике подобных единиц языка, тогда как десятиклассники должны были заметно пополнить свой арсенал фразеологических средств, а студенческие дискурсы, основанные на теоретическом и практическом изучении устойчивых слов и выражений, позволяют судить, в какой мере молодые люди могут пользоваться языковыми приемами. Предлагалось отметить: 1) какие устойчивые сочетания, выражения, фразеологизмы имеют для вас какой-либо смысл; 2) какие устойчивые словосочетания, предложения и фразеологические единицы вы любите употреблять чаще всего?

Для учащихся 5 класса, например, *имеют какой-либо смысл* (являются значимыми) следующие фразеологические единицы:

1. Что написано пером – не вырубишь топором.
2. Сделал дело – гуляй смело.
3. Семь раз отмерь, один отрежь.
4. Дерево красно плодами, а человек умом.
5. Любишь кататься – люби и саночки возить.
6. Язык до Киева доведет.
7. Слово – серебро, молчание – золото (сведения приводятся в порядке убывания).

Состав фразеологизмов свидетельствует, что в детском сознании закрепились стереотипы, «навязанные» взрослыми, внушающими молодому человеку, каким нормам поведения надлежит следовать.

Мальчики чаще всего используют такие устойчивые выражения:

1. Что написано пером – не вырубишь топором.
2. Делу время – потехе час.
3. Без труда не выловишь и рыбку из пруда.
4. Поспешишь – людей насмешит.
5. Чует кошка, чье мясо съела.

Набор устойчивых словосочетаний учащихся 10 класса не отличается от набора пятиклассников, однако акценты уже другие: устойчивые сочетания слов и фразеологические единицы носят назидательный характер. Так, *имеют какой-либо смысл* для десятиклассников следующие идиомы:

1. Без труда не выловишь и рыбку из пруда.
2. Сколько лет, сколько зим!
3. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.
4. Что посеешь, то и пожнешь.
5. Сделал дело – гуляй смело.

Набор активно используемых выражений у юношей и девушек имеет некоторые отличия:

Юноши	Девушки
<ol style="list-style-type: none"> 1. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. 2. Сделал дело – гуляй смело. 3. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Без труда не выловишь и рыбку из пруда. 2. Что посеешь, то и пожнешь. 3. Не в службу, а в дружбу. 4. Ни то ни се. 5. Семь пятниц на неделе.

Студенты 1 курса, закончившие недавно среднюю общеобразовательную школу, демонстрируют разнообразие в использовании различного рода устойчивых сочетаний слов и фразеологических единиц. Чаще всего в их речи встречаются фразеологизмы:

1. Бить баклуши. 2. Лететь сломя голову. 3. Намылить шею. 4. Съесть собаку. 5. Сесть в калошу. 6. Толочь воду в ступе. 7. На седьмом небе. 8. Дело в шляпе. 9. Крокодиловы слезы. 10. Кот в мешке. 11. Ни то ни се. 12. Вставлять палки в колеса. 13. Семь пятниц на неделе. 14. Держать в ежовых рукавицах. 15. Как в воду глядеть. 16. Как с гуся вода. 17. Белая ворона. 18. Сделал дело – гуляй смело.

Оценочные приемы изменились. Назидательность уходит на второй план, уступая место оценочной семантике.

Показательно, что употребление устойчивых сочетаний слов студентами русского и украинского отделений практически не отличается:

Русское отделение	Украинское отделение
<ol style="list-style-type: none"> 1. Бить баклуши. 2. Съесть собаку. 3. Сесть в калошу. 4. Толочь воду в ступе. 5. На седьмом небе. 6. Дело в шляпе. 7. Ахиллесова пята. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бить баклуши. 2. Лететь сломя голову. 3. Намылить шею. 4. Крокодиловы слезы. 5. Кот в мешке. 6. Толочь воду в ступе. 7. Стрибати в гречку.

Второкурсники являют еще большее разнообразие в использовании устойчивых сочетаний слов. Это связано с тем, что они изучили лексику и фразеологию языка, а также приобрели некоторый жизненный опыт. Наиболее характерные устойчивые сочетания в их речи:

1. Бить баклуши (бити байдики).
2. Как с гуся вода.
3. Ни рыба ни мясо.
4. Белая ворона.
5. Не вешай лапшу на уши.
6. Баба з возу – кобилі легше.
7. Смотреть как баран на новые ворота.
8. Пустить козла в огород.
9. Делу – время, потехе – час.
10. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
11. Сесть в лужу.
12. Сломя голову.
13. Спусти рукава.
14. Как курица лапой.
15. Нет дыма без огня.

Употребление подобного рода слов студентами русского и украинского отделений несколько отличается:

Русское отделение	Украинское отделение
<ol style="list-style-type: none"> 1. Ни рыба ни мясо. 2. Бить баклуши. 3. В равной мере употреблены: Пустить козла в огород, делу – время, потехе – час, смотреть как баран на новые ворота, сесть в лужу, сломя голову, сесть в калошу, нет дыма без огня, спусти рукава и др. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бити байдики. 2. Белая ворона. 3. Как с гуся вода. 4. Не вешай лапшу на уши. 5. Баба з возу – кобилі легше. 6. Гордиев узел. 7. Смотреть как баран на новые ворота. 8. Золоті руки.

Для полилингвокультурной среды характерно смешение фразеологического фонда славянских языков. И если у школьников такого рода наложение двух культур проявляется спорадически, то у студентов фиксируется достаточно часто.

На 1 курсе украинского отделения общеупотребительно *стрибати в гречку*, на 2 курсе украинского отделения наблюдается параллельное использование как русских, так и украинских фразеологизмов, пословиц и поговорок: *бить баклуши (бити байдики), как белка в колесе (як білка в колесі), белая ворона (біла ворона), ахиллесова пята (ахілесова п'ята)*, что подтверждает общеизвестный факт об общих истоках фразеологии и пословично-поговорочного материала.

Второй заданный информантам вопрос: *какие фразеологизмы вы любите употреблять в речи?* Набор, представленный пятиклассниками, не достиг и десяти единиц:

1. Цыплят по осени считают.
2. Пospешишь – людей насмешишь.
3. Любишь кататься – люби и саночки возить.
4. Что напишешь пером – не вырубишь топором.
5. Сделал дело – гуляй смело.
6. Без труда не выловишь и рыбку из пруда.
7. Семь раз отмерь – один отрежь.

Ассоциативное мышление учащихся, как и в предыдущем случае, является результатом жизненного опыта, связанного с назидательным воспитанием взрослых. Причем мальчики и девочки используют в основном одинаковый набор:

Девочки	Мальчики
<ol style="list-style-type: none"> 1. Цыплят по осени считают. 2. Любишь кататься – люби и саночки возить. 3. Что напишешь пером – не вырубишь топором. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Пospешишь – людей насмешишь. 2. Семь раз отмерь – один отрежь. 3. Цыплят по осени считают. 4. Что напишешь пером – не вырубишь топором. 5. Любишь кататься – люби и саночки возить.

У десятиклассников, естественно, расширилось ментальное пространство и увеличился набор устойчивых выражений:

- Прошла любовь, завяли помидоры, укроп на грядке пожелтел.
 Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.
 Огонь-трасса.
 В каждой шутке есть доля правды.
 Уйди, старушка, я в печали.
 С дуба упал (рухнул, свалился).
 Вот так номер!
 Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.
 Не тормози – сникерсни!

Однако этот набор также не отличается разнообразием.

Устойчивые выражения, которые любят употреблять студенты 1 курса (русское и украинское отделения), представляют собой достаточно большой список. В нем наиболее частотными являются следующие образования:

1. Бить баклуши.
2. Семь пятниц на неделе.
3. Сделал дело – гуляй смело.
4. Сломя голову.
5. Вешать лапшу на уши.
6. Съесть собаку.
7. Толочь воду в ступе.
8. Ни рыба ни мясо.
9. Ни к селу ни к городу.
10. Ни себе ни людям.
11. Метать бисер.
12. Мозги пудрить.
13. Перемывать косточки.
14. Умыть руки.
15. Спусти рукава.
16. Где собака зарыта.
17. Как снег на голову.
18. Чесать языком.
19. Белая ворона.
20. Семь раз отмерь – один раз отрежь.
21. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

Студенты 2 курса (русское и украинское отделения), прошедшие курс лексикологии и фразеологии языка, более осмотрительно относились к ответам на поставленные вопросы. Состав единиц рассматриваемого типа, хотя и представляет собой немалое количество примеров, в языковой компетенции выглядит следующим образом:

1. Бить баклуши.
2. Тише едешь – дальше будешь.
3. Вешать лапшу на уши.
4. Хотеть не вовремя.
5. Ни рыба ни мясо.
6. Черт побери.
7. Черт-те что и сбоку бантик.
8. Біла ворона.
9. Ворон считать.

Причем в языковой компетенции студентов украинского отделения преобладают русскоязычные обороты. Это связано, видимо, с тем, что среда функционирования русской речи диктует свои условия. Зафиксирован как наиболее употребительный общеславянский фразеологизм в украинском варианте – *біла ворона*. Для 53% студентов мужского пола употребление устойчивых выражений вообще не характерно (кроме *бить баклуши, хотеть не вредно, белая ворона*).

Проведенный с учетом возрастных характеристик и этапов социализации личности эксперимент показал, что устойчивые выражения в молодежной среде в большинстве случаев основываются лишь на части духовного кода – оценке ситуации или другого лица; в основе большинства фразеологизмов лежит предметный код, который лишь косвенно связан с духовным. 3,6% респондентов из общего числа опрошенных не употребляют в своей речи устойчивых выражений. В целом с сожалением можно констатировать, что уровень презентации через устойчивые выражения культурного достижения народа («констант культуры», по Ю.С.Степанову) достаточно низок. Совершенствование выразительных средств при переходе от одного возрастного этапа к другому сложно означать как интенсификацию.

Литература

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 204 с.
2. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
4. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. – М.: Языки слав. культуры, 2002. – 224 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.
6. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. – К.: Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.

Бойко Н. А.

ПРОБЛЕМЫ ПРОПРИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ДЕГИДРОНИМИЧЕСКИХ ОЙКОНИМОВ)

Номинация как сложное лингвистическое явление, имеющее своеобразную ментальную основу, осуществляется непрерывно и в различных условиях. Определенные успехи достигнуты в разработке теории номинации апеллятивной лексики, в частности предпринята попытка ее комплексного изучения [7; 8]. Однако еще достаточно проблем в теории номинации не исследовано. Недостаточно изучены прежде всего общие и частные закономерности номинации разных по характеру реалий объективной действительности в конкретных языках, а также денотатов разных уровней языковых систем.

Наиболее четко явление онимической номинации освещается Н.Ковалевой [3]. Хотя выделенные ею принципы выражают суть наименований географических объектов, однако не охватывают всех отношений наименований к денотатам и не могут быть общими для всех классов онимов. Проблемы проприальной номинации требуют детального изучения и уточнения [4, с.14-15].

Процесс номинации – это «оценочно – индивидуальный акт закрепления в сознании отраженного предмета в виде его имени» [1, с. 20]. Так, В.Матезиус – основоположник функциональной теории языковой номинации – определял ее как фиксирование избранных явлений действительности с помощью языковых средств, т. е. употребление, выбор готовых наименований [4].

Номинация – это свойство языкового знака, его способность что-то обозначать, называть предмет мысли. Акт наименования тесно связан с мыслительным процессом, с фиксацией в сознании человека познанных объектов с помощью номинативных единиц, которые созданы по законам лексикологии и словообразования. Связующим звеном теории номинации, лексикологии и словообразования является слово, которое представители Пражского лингвистического кружка рассматривали с точки зрения выполнения им назывной функции как результат номинативной деятельности народа [4]. Авторы коллективной монографии «Языковая номинация» определяют сущность номинации в гносеолого-семасиологическом аспекте [7, с. 13]. Отражение «элементов действительности» в языке, установление взаимоотношения слова и обозначаемого им понятия, дематериализация окружающего мира, связанная с созданием системы языковых знаков, – основные проблемы номинации, требующие дальнейшего изучения.

Обозначение реалий окружающей действительности словесными знаками зависит от трех компонентов, участвующих в акте номинации: номинатор, означаемое и означающее, или объективной реальности, мышления и языка [2, с.15].

Познание закономерностей номинации «фрагментов» объективной требует более глубокого понимания роли человека (номинатора) в процессе именования географических объектов (ойконимов), раскрытии функционального взаимодействия всех участков системы и структуры языка, т. к. только язык способен «обеспечить реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека» [7, с. 3].

Основой всякого наименования является классифицирующая деятельность человеческого сознания, связанная с абстрагирующей деятельностью мышления. Процесс абстрагирования в акте номинации – это абстрагирование от несущественных свойств объекта и в то же время выделение какого-либо одного признака, который становится «представителем» объекта [7, с. 49]. Мы разделяем точку зрения о том, что присвоение объекту наименования всегда связано с определенной «формализацией соответствующего фрагмента действительности» [7, с. 14], т. к. слово способно зафиксировать лишь один какой-либо признак, один аспект отношения к объекту.

Общая постановка вопроса об изучении средств и способов называния отдельных элементов действительности, которая была намечена в «Тезисах...» Пражского лингвистического кружка, требует дальнейшего уточнения [4].